О текущем моменте № 8 (август 2002 год)

Кооперативный мат как «выигрыш» в кооперативном дележе

1. Астрологи давно предсказывали, что в начале третьего тысячелетия планета Земля войдёт в созвездие Водолея, после чего произойдёт смена эпохи Рыб на эпоху Водолея. Поскольку иудо-христианство всегда обозначалось знаком Рыбы, то по умолчанию полагалось, что произойдёт и смена библейской концепции управления на концепцию, адекватную знаку Водолея. Многие на Западе относились к этим предсказаниям со скептицизмом, свойственным жителям библейской цивилизации, однако август 2002 года, ознаменовавшийся затоплением почти всей западной и центральной части Европы — оплота библейской цивилизации — заставил иначе взглянуть на астрологические прогнозы такого рода. В некоторых газетах Запада наводнение, сильнее которого не было более ста лет, получило название «Библейского потопа». И всё-таки, происходящее на Западе наши и зарубежные СМИ подают как сцены развлекательного шоу, в процессе которого благополучные западные обыватели через перила мостов и набережных наблюдают за разбушевавшейся стихией. Точно так, как это было описано у Пушкина в «Медном всаднике».

По утру над её брегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.

Конечно, Запад достаточно богат, чтобы выделить 5 миллиардов евро только для восстановления разрушенного наводнением в одной Германии. К тому же в Европе к наводнениям относятся как к делу достаточно серьёзному: всё разрушенное оценено, застраховано и подлежит оплате.

Другое дело — наводнение в России, пришедшее в этом году в её южные регионы. Со всех каналов Российского ТВ не сходят сцены, демонстрирующие беспомощность руководства и жалкое существование простых тружеников, чьё убогое достояние стало добычей разбушевавшейся стихии.

Обломки хижин, брёвна, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесённые мосты.

Это тоже из описания наводнения в поэме А.С.Пушкина «Медный всадник», которое произошло за год до того, как «дни лета катились к осени», то есть когда пришёл август катастроф, самая страшная из которых — сумасшествие главного героя поэмы. Известно, что когда Бог хочет наказать человека, он лишает его разума. Пушкин тоже считал самой страшной катастрофой для человека – сумасшествие:

Не дай мне Бог сойти с ума;
Уж лучше посох да сума.

2. Август 2002 года хронологически совпал по дням недели с августом 1991 года и потому, как и 11 лет назад, в воскресенье — 18 августа, и в понедельник — 19-го многие жили тревожным ожиданием: а вдруг снова какой-нибудь путч? И почти все газеты вышли со статьями на тему: что же всё-таки произошло в августе 1991 года? Что же это было? Революция или контр-революция?

«В шахматах есть этюды на так называемый кооперативный мат. Это когда и белые, и чёрные играют в одну дуду — одни по-серьёзному, другие — в поддавки. Складывалось впечатление, что я участвую примерно в такой игре».

Это признание одного из активных участников событий 11-ти летней давности профессора Д.Ольшанского, сделанное в газете «Россия» № 32 (статья «Уроки “как бы”. Чему нас научил последний кремлёвский переворот»).

Действительно в шахматах существуют задачи (а не этюды) на кооперативный мат, алгоритм решения которых специально подбирается так, чтобы чёрные, начиная игру с большим преимуществом, гарантировали себе мат со стороны белых. Нет нужды объяснять, что «составители задачи» на кооперативный мат для августа 1991 года обязали чёрными играть членов ГКЧП, у которых к началу «игры» по сравнению с белыми (ими играли диссиденты-демократы) было полное преимущество. Эта странная игра, в которой и члены ГКЧП, и толпа беснующихся полупьяных «демократов» были лишь шахматными фигурами, велась только в Москве. Всем остальным гражданам СССР была отведена роль зрителей циничной по своим замыслам партии. Но «составители шахматной задачи» на кооперативный мат, по всей видимости, были ещё и большими специалистами в области теории игр.

«Кооперативная теория игр, раздел теории игр, в котором игры рассматриваются без учёта стратегических возможностей игроков (тем самым К. т. и. изучает некоторый класс моделей общих игр). В частности, в К. т. и. входит исследование нестратегических (кооперативных) игр, лишённых с самого начала стратегического аспекта. В кооперативной игре задаются возможности и предпочтения различных групп игроков (коалиций) и из них выводятся оптимальные (устойчивые, справедливые) для игроков ситуации, в том числе распределения между ними суммарных выигрышей: устанавливаются сами принципы оптимальности, доказывается их реализуемость в различных классах игр и находятся конкретные реализации. В терминах кооперативных игр поддаются описанию многие экономические и социологические явления» (Большая российская энциклопедия, 2001 год).

В этом определении уже содержится подмена понятий, упрощающая ситуацию до абсурдности: «игроки» в кооперативной игре в своих возможностях, и особенно в предпочтениях, объективно ограничены концепцией управления игрой в целом, суть которой при таком подходе остаётся в умолчаниях. Выявление этой концепции одним из «игроков» (или их корпорацией) позволяет оценить «кооперативную игру» иначе, чем это возможно в навязываемых ею рамках, и тем самым позволяет выйти из-под власти концепции кооперативной игры после порождения собственной альтернативно-объемлющей концепции управления ситуацией в целом.

Есть в кооперативной теории игр и такой термин, как «гарантированный делёж». По всей видимости это и была та самая «вся правда», про которую одна из пешек в игре на кооперативный мат, вообразившая себя ферзём (а может быть и «шахматистом»), заявила после её завершения, что «всей правды она все равно никогда не скажет». Эта пешка, получившая по гарантированному дележу свою долю, благодаря которой и сегодня живёт беззаботно и припеваючи, видимо, всей правды просто не знала. Всю правду о событиях августа 1991 года знают *некоторые* специалисты-прикладники в области кооперативной теории игр.

Но ещё в 1984 году, за год до того, как эту и другие пешки «специалисты-прикладники» стали готовить для решения задачи кооперативного дележа, в которой гарантированный «выигрыш» — кооперативный мат, русский поэт Юрий Кузнецов популярно

объяснил обществу суть алгоритмики «кооперативных игр с гарантированным дележом» в стихотворении «Маркитанты».

Было так, если верить молве,
Или не было вовсе,
Лейтенанты всегда в голове,
Маркитанты в обозе.

Шла пехота. Равненье на «five»!
Прекратить разговоры!
А навстречу враждебная рать –
Через реки и горы.

Вот сошлись против неба они
И разбили два стана.
Тут и там загорелись огни.
Поднялись два тумана.

Лейтенанты не стали пытать
Ни ума, ни таланта.
Делать нечего. Надо послать
Толмача-маркитанта!

-- Эй, сумеешь на совесть и страх
Поработать, крапивник?
Поразнюхать о слабых местах
И чем дышит противник? --

И противник не стал размышлять
От ума, от таланта.
Делать нечего. Надо послать
Своего маркитанта!

Маркитанты обеих сторон –
Люди близкого круга.
Почитай с легендарных времён
Понимали друг друга.

Через поле в ничейных кустах
К носу нос повстречались,
Столковались на совесть и страх,
Обнялись и расстались.

Воротился довольный впотьмах
Тот и этот крапивник
И поведал о тёмных местах
И чем дышит противник.

А наутро, как только с куста
Засвистела пичуга,
Зарубили и в мать, и в креста

Оба войска друг друга.

А живые воздали телам,
Что погибли геройски.
Поделили добро пополам
И расстались по-свойски.

Ведь живые обеих сторон –
Люди близкого круга.
Почитай, с легендарных времён
Понимают друг друга.

3. Определение карикатурного путча, как шахматной задачи на кооперативный мат, интересно рассмотреть применительно к современному развитию событий в России. До сих пор считалось, что перевести социальную систему в иное состояние можно двумя способами: либо через революцию, либо через войну. А если ни то, ни другое не срабатывает, как это и оказалось к середине 1991 года, когда все многочисленные военные конфликты, спровоцированные националистическими «элитами» и поддерживаемые высшим руководством СССР в бывших советских республиках Средней Азии, Кавказа и Прибалтики никак не хотели перерастать в полномасштабную войну, тогда как? Для революции снизу не было ресурсов, да к тому же и «демократы» постоянно повторяли, что «в России лимит на революции исчерпан». Но оказывается возможен ещё один приём, внешне напоминающий одновременно и революцию «снизу» и революцию «сверху», который и можно назвать решением задачи на кооперативный мат. В августе 1991 года игра закончилась, «гарантированный делёж» состоялся, и те, кому составителями «шахматной задачи» была уготована роль зрителей, вернувшись к своим обычным житейским делам, вдруг обнаружили, что пока они бездумно глазели на происходящее, их обобрали до нитки. Правда им обещали реформы, в результате которых они должны были сказочно разбогатеть, но очень скоро «зрители» убедились, что реформы идут в интересах лишь тех, кто уже и так сказочно разбогател в результате «гарантированного дележа».

Прошло 11 лет после тех странных августовских событий 1991 года и в стране снова сложилась патовая ситуация: страна топчется на месте и снова требуется совершить перевод социальной системы в иное состояние. Но вся проблема в том, что никто из претендующих на управление страной не может чётко сформулировать обществу — что должно представлять собой это новое состояние. Сегодня всем ясно лишь одно: в «развитой социализм» по образцу застоя никто не хочет, но и в западное «общество всеобщего благоденствия» для России путь закрыт. Десять процентов населения, решившие свои проблемы за 10 лет реформ — это ещё далеко не вся Россия. Оставшееся в нищете 90 % — жаждут реальных перемен, понимая, что в результате «демократических реформ» их просто «кинули», если пользоваться терминологией уголовного мира.

4. Однако, состояние общества сразу после игры на кооперативный мат и 11 лет спустя — разное. Те, кто начинал реформы, показали свою дееспособность на стадии разрушения экономики «развитого социализма», но они оказались совершенно никчёмны при решении задач созидания, поскольку просто не представляют, что же должно быть создано на развалинах постсоветской экономики. Из истории XX столетия известно, что поколение разрушителей России в период революции и гражданской войны было уничтожено поколением, пришедшим им на смену, после чего процесс ликвидации революционных романтиков получил название «погрома ленинской гвардии». Демократическая пресса не раз называла Гайдара и К^0 — «революционными романтиками».

В начале третьего тысячелетия в жизнь вступило новое поколение, одинаково свободное как от демократическо-библейской, так и марксистской зашоренности. Этому поко-

лению, по замыслу составителей шахматных задач, видимо, и уготована миссия ликвидации «ельцинской гвардии», независимо от их желания: такова историческая необходимость. В какой форме может проходить ликвидация — пока вопрос неясный. Но если исходить из известной формулы того же Маркса: «История повторяется дважды: один раз как трагедия, другой, — как фарс», то видимо предстоит большая потеха, в результате которой «новые российские революционе-р-ры» сойдут с исторической сцены не просто как куклы-марионетки, а как очень смешные куклы. И идущая более пяти лет по каналу НТВ передача «Куклы» — своеобразная подготовка общественности к такому концу «перестроечной гвардии».

5. Однако не следует забывать, что в обществе присутствует довольно большая часть, которая с вожделением ждёт топора «инквизиции». С 1997 года в стране существует подготовленный в Гарварде и сценарий под кодовым названием «Инквизитор», в соответствии с которым большая часть социально активного русского молодняка должна быть уничтожена в ходе борьбы со всевозможными видами «экстремизма». Большинство из тех, кто самозабвенно жаждет «топора инквизиции», не задумывается о последствиях «топора» и уверено в том, что само оно под «топор инквизитора» не попадёт ни при каких обстоятельствах. Эта часть общества жаждет возмездия и справедливости, и их настроения будут учитываться составителями шахматных задач на кооперативный мат до тех пор, пока жизнь большинства не изменится к лучшему. Какова же вероятность в России новой реализации алгоритма шахматной задачи на кооперативный мат? Достаточно высокая и вполне возможно, что такая задача составлена и в ней уже определено, кто будет играть чёрными, а кто — белыми. Какие можно указать признаки существования такой задачи? Те же самые, что сформировались к августу 1991 года.

Сегодня, как и 11 лет назад, и тех, кто жаждет «топора инквизиции», и тех кто этого топора боится, одинаково не устраивает фигура нынешнего президента. Но есть в сложившейся политической ситуации в России и нечто новое, не учитываемое составителями «шахматных задач» на кооперативный мат. Это новое определяется тем, что в отличие от 1991 года, сегодня политических группировок не две как это было тогда (марксисты и демократы), а много больше и каждая из них занята поиском фигуры, способной прежде всего воплотить интересы её закулисных хозяев и публичных лидеров. И поскольку цели всех кланов и корпораций не совпадают с общенародными и государственными интересами, то никто особенно не задумывается и над тем, какая же личность может быть востребована или принята в качестве главы государства если не всем обществом, то по крайней мере его недеклассированной частью.

В данном случае речь идёт не о конкретной личности Иванова, Петрова или Сидорова, а о некотором нравственно-психологическом типаже, выражающем ожидания большинства, И хотя он не соответствует стереотипам недавнего прошлого и настоящего, но тем не менее он объективно существует и о нём можно получить какое-то представление, анализируя по крайней мере внешний образ тех политических фигур, которые всплыли на волне перестройки.

6. После августа 1991 года хорошо стало видно, что при всём многообразии претендентов на пост президента страны, только двое из них имели реальный шанс быть избранными: Ельцин и Зюганов. В 1996 году появилась третья пешка, у которой также был некоторый шанс пройти в ферзи — Лебедь. Однако, при всём различии оглашаемых ими лозунгов, наша и зарубежная пресса почему-то обходила вниманием их внешнее сходство: все трое были «весьма похожи на средней величины медведя», хотя и рычали по разному. Это могло означать, что «составители шахматных задач» в своём выборе главной пешки ориентировались на какой-то типаж, который был в тот период объективно ожидаем большинством общества.

«Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался весьма похожим на средней величины медведя. Для довершения сходства фрак на нём

был совершенно медвежьего цвета. (...) Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов, как-то: напильников, буравчиков и прочего, но просто рубила со всего плеча: хватила топором раз — вышел нос, хватила в другой — вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свет, сказавши: «Живёт!»

Этот литературный портрет Собакевича можно с равным успехом примерить и к Ельцину, и к Зюганову, и к Лебедю.

«Чичиков ещё раз взглянул на него искоса, когда они проходили в столовую: медведь! совершенный медведь! Нужно же такое странное сближение: его даже звали Михаилом Семеновичем».

Но совершенно очевидно, что эти политические фигуры только внешне схожи с персонажем, созданным Н.В.Гоголем в «Мертвых душах»; содержательно же все трое отличаются от Михаила Семёновича. Лебедь, отправленный на административную стажировку в Красноярский край, добил и без того умирающую экономику этого богатейшего региона России, а Ельцин довёл до дефолта страну в целом. Зюганов, хотя внешне и схож с Собакевичем, но содержательно своими проектами, которым никогда не суждено воплотиться, ближе к Манилову, который тоже дальше лозунгов и заявлений никогда не шёл. У Михаила же Семёновича слова не расходились с делом: в хозяйстве порядок; крестьяне сыты, здоровы и судя по ревизским сказкам, которые изучает Чичиков, — неплохие мастера в своём деле.

«Помещик, казалось хлопотал много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновесные и толстые брёвна, определённые на вековое стояние. Деревенские избы мужиков тож срублены были на диво: не было кирчёных стен, резных узоров и прочих затей, но всё было пригнано плотно и как следует».

Да и в кооперативные игры, судя из его бесед с Чичиковым, Михаила Семёновича, в отличие от Ельцина, Лебедя и Зюганова, современным «составителям шахматных задач» вряд ли бы удалось вовлечь.

«— А прекрасный человек! — произнёс Чичиков.

— Кто такой? — сказал Собакевич, глядя на угол печи.

— Председатель.

— Ну, может быть, это вам так показалось: он только что масон, а такой дурак, какого свет не производил.

Чичиков немного озадачился таким отчасти резким определением, но потом поправившись, продолжал:

— Конечно, всякий человек не без слабостей, но зато губернатор какой превосходный человек!

— Губернатор превосходный человек?

— Да, не правда ли?

— Первый разбойник в мире!

— Как, губернатор разбойник? — сказал Чичиков и совершенно не мог понять, как губернатор мог попасть в разбойники. — Признаюсь, этого я бы никак не подумал, — продолжал он. — Но позвольте, однако же, заметить: поступки его совершенно не такие, напротив, скорее даже мягкости в нём много. — Тут он привёл в доказательство даже кошельки, вышитые его собственными руками, и отозвался с похвалой об ласковом выражении лица его.

— И лицо разбойничье! — сказал Собакевич. — Дайте ему только нож да выпустите его на большую дорогу — зарежет, за копейку зарежет! Он да ещё вице-губернатор — это Гога и Магога!»

По сути Михаил Семёнович воспользовался библейскими персонажами для доказательства грабительской сущности действующей власти, отождествив тем самым эту власть с разбойничьей библейской властью.

«— Впрочем, что до меня, — сказал он (по контексту поэмы — Чичиков), мне, признаюсь, более всего нравится полицмейстер. Какой-то этакой характер прямой, открытый; в лице видно что-то простосердечное.

— Мошенник! — сказал Собакевич очень хладнокровно, — продаст, обманет. Да ещё и пообедает с вами! Я их знаю всех: это всё мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья».

Характеристикой городской власти — «христопродавцы» Михаил Семёнович размежевался и с исторически сложившимся христианством, которое, в отличие от Иуды, продавшего Христа де-факто 20 веков назад, уже 17 веков продаёт его де-юре, то есть пытается доказать всему обществу, что для этого есть законные основания.

И хотя трое современных персонажей — тоже мастера по части резких оценок, но это также из области внешнего сходства с Михаилом Семёновичем. Резкие оценки своих политических противников ни Ельцина, ни Зюганова, ни Лебедя не избавили их от роли пешек в шахматной игре на кооперативный мат. Собакевича же в роли пешки в любой игре представить сложно. Но это внутреннее содержание любой политической фигуры, которое толпе как правило неинтересно: ей подавай внешнее сходство с образом героя.

Да, слава к прихоти вольна,
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.

«Герой», А.С.Пушкин.

Толпа — и есть «народ безсмысленный». Одна её часть бежала за Ельциным, другая — за Зюгановым, а третья, в случае разочарования в первом и втором, готова была бежать и возможно побежала бы за Лебедем, если бы «герой» не самоликвидировался. Получается, что у общества за 10 лет реформ не могло быть никакого общего вождя, хозяина-распорядителя страны: каждой части толпы была приготовлена своя пешка, внешне схожая с Собакевичем, оказывающаяся на поверку расхитителем. Все остальные фигуры, необходимые для игры на кооперативный мат либо на стороне чёрных, либо на стороне белых, также есть среди персонажей «Мертвых душ». Но поскольку у них нет даже внешнего сходства с Собакевичем, то шансов пройти в ферзи тоже не было.

«Ноздрёв был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории. Какая-нибудь история непременно происходила: или выведут его под руки из зала жандармы, или принуждены бывают вытолкать свои же приятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будет такое, что с другим никак не будет: или нарежется в буфете таким образом, что только смеётся, или проврётся самым жестоким образом, так что наконец самому сделается совестно. И наврёт совершенно без всякой нужды».

В этом внешнем и внутреннем описании Ноздрёва легко можно узнать собирательный портрет Немцова и Жириновского вне зависимости от личностных разногласий, которые они с удовольствием демонстрируют публике.

«Один Бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы. Может быть к ним следует примкнуть и Манилова. На взгляд он был человек видный; черты его лица были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приёмах и оборотах было что-то заискивающее расположения и знакомства. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: “Какой приятный и добрый человек!” В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: “Чёрт знает что такое!” — и отойдёшь подальше; если же не отойдёшь, почувствуешь скуку смертельную».

А это — очень краткий и яркий портрет яблочного Явлинского.

Случайны ли такие совпадения? Откуда такое сходство, если Запад контролировал расстановку фигур в игре на кооперативный мат? Ответ прост: такое сходство возможно лишь потому, что Запад Гоголя не читает, а всё больше почитывает Достоевского. Известно, что даже Бушу младшему перед поездкой в Россию предложили почитать «Преступление и наказание» Ф.М.Достоевского, а не «Ревизора» Н.В.Гоголя, например. Бессознательно Запад не приемлет Гоголя, во-первых, потому, что считает его «антисемитом», а во-вторых, полагает, что многие сюжеты (в частности «Ревизор», «Мертвые души»), а следовательно и проблематику для освещения в литературе Гоголю рекомендовал А.С.Пушкин.

7. Как уже было сказано выше, сегодня ни одну *публично демонстрируемую СМИ* политическую группировку или партию Путин не устраивает. Неоднозначное отношение к нему и на Западе, поскольку два года стабилизации политической обстановки в России вызывает у истеблишмента США и Европы серьёзное беспокойство: развал СССР позволил Соединенным Штатам по крайней мере лет на 10 оттянуть свой собственный экономический кризис, а Международному Валютному Фонду — отодвинуть крушение мировой кредитно-финансовой системы.

В XXI веке Глобальный предиктор сделал ставку на новый вид фашизма — интернационал-социализм, для достижения целей которого Путину в России, видимо, отведена роль фюрера. Фашизм национал-социалистического толка в России ещё мог бы состояться в начале XX века сразу после февральской буржуазной революции, если бы кто-либо из авторитетных генералов своевременно повесил А.Ф.Керенского и занялся бы государственным строительством. Если бы это произошло, то благодаря огромному интеллектуальному и экономическому потенциалу России, напугавший Европу германский фашизм был бы лишь его жалким подобием. Но в силу того, что Российская империя была многонациональной и многоконфессиональной державой, русский национал-социализм был задушен ещё в зародыше интернационал-социализмом троцкистов, который затем оказался частично вытеснен с политической арены сталинским большевизмом. Интернационал-социализм был частично вытеснен, но не уничтожен, ибо если бы он был уничтожен, то после ухода из жизни Сталина в принципе не состоялся бы троцкистский переворот Хрущёва.

Почти всю вторую половину XX столетия красные и белые троцкисты медленно двигали СССР-Россию в сторону интернационал-социализма, которому неосознанно сопротивлялся русский большевизм до тех пор, пока его идеи не были выражены в Концепции Общественной Безопасности (КОБа) с эпическим названием «Мёртвая вода». К периоду смены эпохи Рыб на эпоху Водолея КОБа получила достаточно широкое распространение в обществе и с этого момента сопротивление интернационал-социализму в России приобрело осознанные формы. И чтобы это сопротивление не стало массовым, в стране снова необходимо было организовать либо войну, либо революцию.

8. Перманентная война в Чечне, развязанная белыми троцкистами с их идеей «ни мира, ни войны» на какое-то время отодвинула решение проблем будущего политического уст-

ройства России. При всём саботаже троцкизма эта война подходит к своему завершению. Однако, её истинные причины имеют более глубокие корни, которые не до конца осознаются воюющими сторонами и потому для более правильного их понимания необходимо сделать краткий экскурс в историю присоединения к России Северного Кавказа. Можно сказать, что кавказская война XIX века была для России вынужденной: тоже «кооперативный делёж» в русле библейской концепции без какой-либо альтернативы. Но чтобы понять это, следует вспомнить, для чего на границах ещё допетровской России формировались казачьи поселения: для охраны приграничных областей от разбойничьих набегов северокавказских племён, которые опустошали южные регионы России. Но самым страшным и позорным в этих набегах было пленение и работорговля поданными Российской империи.

Многочисленные скотоводческие племена Северного Кавказа даже в начале XIX века находились в переходной стадии от первобытно-общинного к рабовладельческому строю. И институт рабовладения был для них в нравственном отношении своеобразным прогрессом по сравнению с убийством пленных из-за недостатка пищи в условиях первобытно-общинного строя. Поэтому превращение пленного в раба и продажа его в качестве рабочего скота с точки зрения законов родо-племенной общины не имело состава преступления. Но даже после насильственного присоединения Северного Кавказа к Российской империи мало что изменило в нравственности «гордых горцев». В дальних аулах, куда не добиралась полиция, как и прежде строили зинданы, в которых по-прежнему содержали рабов. Когда же полиция обнаруживала подобные вещи, богатые беи подкупали стражей порядка, и те за деньги закрывали глаза на происходящее, фактически потворствуя институту рабства в среде этих племён.

Мало что изменилось в жизненном укладе северокавказских племён и после революции, хотя НКВД и милиция жестоко карали за приверженность к рабовладению «гордых горцев». И многие из них с приходом на Кавказ немецко-фашистских войск встали на сторону третьего рейха не столько из ненависти к русским, сколько из нравственного согласия с законами расового фашистского государства, вожди которого пропагандировали рабовладение по отношению к неполноценным, как им привиделось, славянским народам. Чеченцы и другие племена Северного Кавказа решили, что теперь они могут держать в своих зинданах славян в качестве рабов на законных основаниях. Такое поведение представителей этих племён не было для них актом предательства, как считают многие наши правоведы, поскольку любое законодательство проистекает из нравственности самих народов и прежде всего их родо-племенной верхушки.

Сталин, прекрасно знающий жизнь и обычаи племён Северного Кавказа, проблему искоренения рабовладельческой нравственности (их и крымских татар) начал решать путём выселения их в равнинную часть СССР. И для того времени это было единственно верное решение, гарантирующее будущее этих племён с искоренением их приверженности к жестоким обычаям родо-племенной общности. Если бы чеченцы два-три поколения прожили среди народов, в которых рабовладение находилось под запретом не только с точки зрения законов, но прежде всего потому, что было для них нравственно неприемлемо, то в начале XXI века война в Чечне при всех интригах либерал-демократов вряд ли была бы возможна.

И психтроцкисты времён Хрущёва, вернувшие горцев в родные места спустя всего 10 — 12 лет после их переселения, знали что делали: они закладывали бомбу под будущее. Вернувшись в свои аулы, многие чеченцы взялись за старое: снова строили зинданы, снова воровали и перепродавали людей, снова выводили рабов в железных ошейниках на работы, и снова власти, как и до революции, за деньги закрывали глаза на эти позорные явления XX века. Эта склонность родоплеменной культуры к паразитизму на окружающих обществах нашла ещё одно свое выражение в последние годы существования СССР: когда его репрессивный аппарат перестал быть сдерживающим фактором, то остановка и ограбление транзитных поездов на перегонах Чечни стала местным «народным промыслом».

Сегодня многие наши борцы за права человека задают вопросы: за что страдают простые чеченцы, если людей воруют и продают лишь «бандиты-чеченцы»? Пусть они зададут себе другой вопрос: возможно ли в русской деревне такое явление, когда на полевые или какие-то другие работы в сельской местности кто-то из сельчан выводит человека в ошейнике раба? Такого «рабовладельца» забьют свои же или, по крайней мере, вызовут милицию для наведения порядка. В Чечне, в Ингушетии и Дагестане рабовладение по-прежнему норма. «Простые чеченцы» прекрасно знают, в каком доме содержали до войны и содержат сегодня в многочисленных зинданах пленных русских ребят в качестве рабов. Знают, но не только не обращаются к властям за пресечением этого позорного явления, но главное — в душе своей одобряют и считают это нормой. И будь у них деньги, многие бы из «гордых и свободолюбивых горцев» и сегодня приобрели бы рабов для выполнения тяжёлых работ в своём хозяйстве.

Конечно, в этой странной войне, которая длится почти 10 лет, много грязи, подлости и предательства. И многие представители высших эшелонов власти по-прежнему наживаются на крови своих соотечественников благодаря этой войне. Но есть в ней и благородные цели: искоренение остатков института рабства в пределах Русской многонациональной цивилизации. Это должны прежде всего понимать так называемые «простые чеченцы», которые по-прежнему считают рабовладение нравственно приемлемым. В XXI веке на земле не должно быть места рабству в любой форме, и пока этого не поймут «простые чеченцы», война в Чечне будет идти до полного искоренения этого позорного явления. Тот факт, что об этом позорном явлении в жизни горцев молчит правительство России, свидетельствует либо о его глупости, либо о его продажности и молчаливом попустительстве институту рабства. Русский солдат никогда за деньги хорошо не воевал и хорошим наёмником не был. Для полной и окончательной победы в любой войне ему нужна не просто чёткая и ясная идея, во имя которой он готов сражаться «не щадя живота своего», но прежде всего это должна быть великая *праведная* идея. Величие не всегда справедливо, справедливость — всегда велика! Америка великая страна, но никто не может сказать, что Соединённые Штаты — оплот справедливости в мире. Если Россия действительно хочет стать великой державой, то она должна стать прежде всего оплотом справедливости, а для этого ей необходима и подлинно великая идея. Идея борьбы с последними очагами рабовладения на земле — справедливая и великая идея.

9. Война в Чечне (а не с Чечнёй, потому что там собрались бандиты не только со всего бывшего СССР, но и со всего мира), идёт к своему завершению. Очередная троцкистская революция в современной России невозможна. В стране с появлением КОБы — концептуальная неопределённость, которую официальные политики пока предпочитают называть «политической неопределённостью». Так, например, участник «Круглого стола» «Литературной газеты» № 33 Андрей Рябов, член научного совета Московского Центра Карнеги в статье «Кто сказал “Поехали”?», анализируя начало предвыборной президентской кампании уже в этом году, пишет:

«Ранний старт — не признак силы, а, скорее, реакция на политическую неопределённость, правда, несколько иного рода, чем та, которая существовала при Ельцине. Ныне она присутствует скрыто и редко выплёскивается в информационное пространство. Неопределённость — на уровне непубличной политики. При Ельцине работоспособность и устойчивость политической системы обеспечивалась индивидуальными закулисными договорённостями, взаимными достаточно жёсткими индивидуальными обязательствами. Фактически государство базировалось на этих договорённостях. Они автоматически предполагали наличие арбитра. Функции президента были сведены к роли арбитра. Решение всегда принималось в нужный момент. Политическая система продолжала работать, несмотря на низкие рейтинги Ельцина и бесконечные скандалы вокруг “семьи”.

Сейчас другая ситуация. Основных политических игроков вокруг Путина (ту же “семью”, “питерских силовиков”, клан Чубайса) она не устраивает — они никак не могут понять, какую политику в конечном итоге и кем будет проводить президент, на кого он будет опираться. Нынешняя обстановка представляется им переходной к какому-то иному состоянию. Усиливается прессинг на президента с просьбой определиться: с кем он».

Другими словами, Путин — плохая фигура для составления алгоритма шахматной задачи на кооперативный мат. Да и в образы основных персонажей «Мертвых душ» он как-то не вписывается. И тем не менее, в последней неоконченной главе этой удивительной поэмы в прозе, он там присутствует. Но прежде чем показать это, укажем ещё на один персонаж поэмы, созданный гением Гоголя, который, по нашему мнению, может сломать всякую шахматную партию на кооперативный мат, снова придуманную закулисой для России. Речь идёт о миллионере откупщике Муразове Афанасии Васильевиче, который наставляет князя — генерала, приехавшего из Петербурга для наведения порядка в город, где происходят главные события поэмы. Он предлагает князю осторожность и осмотрительность при принятии решений и опору на то, что называется совестью и нравственностью в человеке:

«У русского человека, даже и у того, кто похуже других, всё-таки чувство справедливо. Разве жид какой-нибудь, а не русский. Нет, ваше сиятельство, вам нечего скрываться. Скажите так точно, как изволили передо мной. Ведь они вас поносят как человека честолюбивого, гордого, который и слышать ничего не хочет, уверен в себе, — так пусть же увидят всё, как оно есть. Что ж вам? Ведь ваше дело правое. Скажите им так, как бы вы не перед ними, а перед самим Богом принесли свою исповедь».

После долгой беседы с Афанасием Васильевичем князь выступил с речью перед всеми чиновниками города:

«В большом зале генерал-губернаторского дома собралось всё чиновное сословие города, начиная от губернатора до титулярного советника: правители канцелярий и дел, советники, асессоры, Кислоедов, Красноносов, Самосвистов, не бравшие, бравшие, кривившие душой, полукривившие и вовсе не кривившие, — всё ожидало с некоторым не совсем спокойным ожиданием генеральского выхода. Князь вышел ни мрачный, ни ясный: взор его был твёрд, так же как и шаг... Всё чиновное собрание поклонилось, многие — в пояс. Ответив лёгким поклоном, князь начал:

— Уезжая в Петербург, я почёл приличным повидаться с вами всеми и даже объяснить вам отчасти причину. У нас завязалось дело очень соблазнительное. Я полагаю, что многие из предстоящих знают, о каком деле я говорю. Дело это повело за собою открытие и других, не менее бесчестных дел, в которых замешались даже наконец и такие люди, которых я доселе почитал честными. Известна мне даже и сокровенная цель спутать таким образом всё, чтобы оказалась полная невозможность решить формальным порядком. Знаю даже, и кто главная пружина и чьим сокровенным...[1], хотя он и очень искусно скрыл своё участие. Но дело в том, что я намерен следить не формальным следованием по бумагам, а военным быстрым судом, как в военное время, и надеюсь, что государь мне даст это право, когда я изложу всё это дело. В таком случае, когда нет возможности произвести дело гражданским образом, когда горят шкафы с бумагами и, наконец, излишеством лживых посторонних показаний и ложными доносами стараются затемнить и без того довольно тёмное дело, — я полагаю военный суд единственным средством и желаю знать мнение ваше.

Князь остановился, как бы ожидая ответа. Всё стояло, потупив глаза в землю. Многие были бледны.

---

[1] В рукописи не дописано.

— Известно мне также ещё одно дело, хотя производившие его в полной уверенности, что никому не может быть известно. Производство его уже пойдёт не по бумагам, потому что истцом и челобитчиком я буду уже сам и представлю очевидные доказательства.

Кто-то вздрогнул среди чиновного собрания; некоторые из боязливейших тоже смутились.

— Само по себе, что главным зачинщикам должно последовать лишенье чинов и имущества, прочим — отрешенье от мест. Само собою разумеется, что в числе их пострадает множество невинных. Что ж делать? Дело слишком бесчестное и вопиет о правосудии. Хотя я знаю, что это будет даже и не в урок другим, потому что на место выгнанных явятся другие, и те самые, которые были честны, сделаются бесчестными, и те самые, которые удостоены будут доверенности, обманут и продадут, несмотря на всё это, я должен поступить жестоко, потому что вопиет правосудие. Знаю, что меня будут обвинять в суровой жестокости, но знаю, что те будут ещё...[1] меня те же обвинять...[2] Я должен обратиться теперь только в одно бесчувственное орудие правосудия, в топор, который должен упасть на головы».

10. Здесь гений Гоголя полтора столетия назад фактически изложил то, что при определённых обстоятельствах может реализоваться в России в качестве нового варианта шахматной задачи на кооперативный мат, алгоритм которой по нашему мнению уже в действии. И именно он, по мнению «составителей шахматных задач» должен вернуть наконец Россию в сценарий интернационал-социализма. Но, как видно из дальнейшего выступления князя, этому сценарию не суждено будет реализоваться, если...

«Содроганье невольно пробежало по всем лицам.

Князь был спокоен. Ни гнева, ни возмущенья душевного не выражало его лицо.

— Теперь тот самый, у которого в руках участь многих и которого никакие просьбы не в силах были умолить, тот самый бросается теперь к ногам вашим, вас всех просит. Всё будет позабыто, изглажено, прощено; я буду сам ходатаем за всех, если исполните мою просьбу. Вот моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаниями нельзя искоренить неправды: она слишком уже глубоко вкоренилась. Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными. Знаю, что уже почти невозможно многим идти противу всеобщего теченья. Но я теперь должен, как в решительную и священную минуту, когда приходится спасать своё отечество, когда всякий гражданин несёт всё и жертвует всем, — я должен сделать клич хотя бы к тем, у которых есть в груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово «благородство». Что тут говорить о том, кто более из нас виноват! Я, может быть, больше всех виноват; я, может быть, слишком сурово вас принял вначале; может быть, излишней подозрительностью я оттолкнул из вас тех, которые искренно хотели мне быть полезными, хотя и я, со своей стороны, мог бы также сделать им упрёк. Если они уже действительно любили справедливость и добро своей земли, не следовало бы им оскорбиться на надменность моего обращения, следовало бы им подавить в себе собственное честолюбие и пожертвовать своею личностью. Не может быть, чтобы я не заметил их самоотверженья и высокой любви к добру и не принял бы наконец от них полезных и умных советов. (...) Но оставим теперь в сторону, кто кого больше виноват. Дело в том, что пришло нам спасать нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемённых языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управленья, образовалось другое

[1] Край листа рукописи оторван.

[2] Край листа рукописи оторван.

правленье, гораздо сильнейшее всякого законного. Установились свои условия; всё оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников. Всё будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстанья народ вооружался против врагов, так должен восстать против неправды. Как русский, как связанный с вами единокровным родством, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь к вам. Я обращаюсь к тем из вас, кто имеет понятье какое-нибудь о том, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва...[1]»

О какой земной должности человека говорит здесь Н.В.Гоголь? Конечно, о должности наместника Бога на Земле, осуществление которой невозможно без понимания того, что правда, право и истина в культуре Русской цивилизации — одно и то же; что в этой культуре праведная нравственность противостоит порочной нравственности. Н.В.Гоголь не закончил свою великую поэму прежде всего потому, что на уровне сознания был раздавлен библейским православием, а на безсознательном уровне психики — верил в призвание человека быть наместником Божиим на Земле, что и было истинной верой Богу непосредственно. В одном из первых выступлений В.В.Путина после того, как он стал президентом, прозвучало такое заявление, которого русский народ не слышал более полувека ни от одного высшего лица в государстве: «Все наши проблемы сегодня упираются в нравственность». И тот рубеж, до которого поднялся гений Гоголя в его нравственном подвиге, воплотившимся в поэме «Мёртвые души», нам, его потомкам, предстоит двигать дальше, если мы действительно стремимся к царству Божию на земле и на небе.

Альтернатива этому — кооперативный мат, но не в смысле класса шахматных задач, а в прямом смысле: «мат» в переводе на русский — смерть, гибель всех претендентов на долю в кооперативном гарантированном дележе.

Внутренний Предиктор СССР

27 августа 2002 года.

[1] На этом рукопись обрывается.